

«Сигма»: «Восток или Запад?»

Настоящее сообщение подготовлено не профессионалом и не в строгом соответствии с заявленными организаторами настоящего Форума задачами. Его цель – обратить внимание научного сообщества на труды и деятельность на службе России (официальной и «не для оглашения») известного в дореволюционное время публициста и востоковеда Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы») (19.09.1864 – 10.09.1933). В надежде, что профессиональные исследования его трудов прольют свет на не вполне известные нам идеи, усилия и достижения наших предков по установлению иных, не «западных» отношений с граничными нам странами Дальнего Востока...

Начну это сообщение с определяющего, как мне кажется, ответа на вопрос об «убеждениях» никогда не принадлежавшего ни к какой партии С.Н. Сыромятникова:

«Если ко мне надо привесить какой-нибудь партийный ярлык, как это принято в России, то я назову себя, пожалуй, прогрессивным националистом. Я верю в творческие начала русского народа, верю в конечную победу России над своими врагами, верю в русскую государственность, при которой возможно самое широкое развитие общественной самодеятельности, самоуправления, духовного и нравственного самосовершенствования русского народа».

I

В начале научной и публицистической деятельности (оно может быть отнесено к 1887 году) внимание выпускника Санкт-Петербургского университета С.Н. Сыромятникова было обращено на древнюю историю России, влияние на нее скандинавских и западноевропейских стран: изучение древнерусских летописей, переводы с древнеисландского «Саги об Эйрике Красном» [1], «Русской княжны на французском троне» [2].

Впервые тематика Дальнего Востока и Китая начинает акцентированно проявляться в публикациях столичного «Нового времени» и в публикациях «Сигмы» в нем в 1894 году [3, 4, 5]. Интерес к «Востоку» и к положению России между «Западом» и «Востоком» все более и более увлекает публициста. И к концу этого года «Сигма» задается данным вопросом прямо в заголовке своей статьи – «Восток или Запад»? [6]:

«В обществе после пощечины берлинского конгресса появилось бессознательное желание выделить себя из рядов европейских народов. <...>

Сыромятников Борис Дмитриевич, потомок и собиратель наследия своего двоюродного деда Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы»), одного из главных проводников восточной политики Николая II, принявшего участие в заключении первого договора о дружбе с Китаем в 1897 году. E-mail: grumant45@mail.ru

Теперь мы строим железный путь через всю Азию, от гор до океана, и Европа выражает не только одно восхищение, но и страх вследствие громадности результатов этой задачи. Знакомство с Азией дало новый толчок нашим идеям. Прежде мы говорили о греко-славянском культурном типе, потом о русском, т. е. славяно-финно-татарском, теперь должны заговорить о русско-туранском, о русско-азиатском. Изучение Сибири и Средней Азии сравнительно с Востоком в его целом не могло не навести на мысль о многих чертах сходства нашего быта с бытом Востока. Мысли эти в тридцатых годах возбуждали наше негодование. Польские историки давно уже доказывали Европе, что мы не славяне, а татары, и немцы повторяли их любезность по нашему адресу в своих учнейших сочинениях. Мы сердились, потому что верили в Петра Великого и считали себя европейцами. Теперь многие из нас извернулись в принципы Петра, и мы проповедуем то самое, что наши предки называли немецкою и польскою клеветой. Мне кажется, можно сказать, что отличительной чертой истекшего двадцатилетия было упрочение наших связей с Востоком и влияние Востока на наши исторические идеалы.

Мысль об общности наших задач и идеалов с задачами и идеалами азиатского Востока нашла себе выражение в замечательной книге князя Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Е. И. В. Наследника Цесаревича в 1890–1891 гг.» <...>

Помимо красивого, хотя и несколько риторичного описания посещенных Августейшими путешественниками стран загадочного Востока, книга кн. Ухтомского заключает в себе много оригинальных мыслей, с которыми надо считаться всякому, кто интересуется развитием русского самосознания. <...>».

В течение 1895 года в «Новом времени» эпизодически публикуются статьи С.Н. Сыромятникова, посвященные Дальнему Востоку. Здесь следует выделить две из них, о Японии, под общим названием «Ex oriente pox!» [7, 8]. В первой он пишет:

«С Востока надвигается что-то темное, дикое, неизвестное, первые признаки грядущего “панмонголизма”. Запад с интересом ждет развязки восточных событий и вычисляет барыши, которые он получит за примирение сторон и от ослабления России. Мы сохраняем свой, “полный гордого доверия, покой”, хотя дело идет о создании новой Германии на нашем Востоке».

Публицист пытается понять, «<...> что может выйти из разгрома Китая и торжества Японии», отмечая, что: «<...> в нашем характере нет злобы, война для войны не в нашем духе, мы неспособны руководствоваться моралью господ. И вот, к нашим восточным пределам, населенным мирными переселенцами из России и мирными буддистами-инородцами, которые уживались с соседними неподвижными китайцами, приблизился народ, которого называют «янками Востока», но которого, пожалуй, придется назвать римлянами Восточного океана, жестокий, желтокожий народ, воинственный, еще недавно феодальный, нерелигиозный. Стоит заглянуть в его историю, чтобы убедиться, какая опасность грозит от его соседства».

И он заглядывает с читателями в эту историю: «Китайские летописи рассказывают <...>».

Завершается обзор летописных китайских источников следующими выводами: «Бедность религиозного чувства, отсутствие высоких идеалов и замыслов выразились и в храмах, и в литературе, и в самом искусстве, никогда несмотря на изумительную технику не возвышавшимся до высоких образцов. <...>».

Просматривая историю Японии до последнего времени, чувствуешь какой-то холодный ужас от бессмысленной жестокости этого умного народа. Он не знает другого опьянения, кроме опьянения кровью. За отсутствием каких-нибудь широких идеалов, только война, убийство и самоубийство выносит

его из скуки обыденной обстановки среди прекрасной, богатой природы. У него нет религии, нет политических идеалов. Сегодня он воюет за тех, против которых сражался вчера, он сражается для того, чтобы сражаться. Но его самолюбие таково, что при всякой крупной неудаче он со свирепым сладострастием вспарывает себе живот. Буддизм даже в испорченной форме оскорбляет его проповедью милосердия, проповедников буддизма преследуют до середины этого века. Мораль господ в полном расцвете, слабые не считаются людьми.

Так было до вторичного открытия Японии для европейцев, но мы увидим, что так и теперь».

Во второй статье [8] содержится уже и анализ современного соотношения сил на Дальнем Востоке, и некий прогноз надвигающихся на него событий: «...Зная характер этого народа, его воловью настойчивость, улыбающуюся жестокость, большой ум, как у евреев, не сдерживаемый никакими требованиями сердца, его не останавливающуюся ни перед какими жертвами любовь к родине и болезненное самолюбие, – можно предвидеть его будущую судьбу на десятки лет вперед. <...>».

Англичане мечтают уже об образовании на Востоке тройственного союза из Китая, Японии и Англии. Японии дадут разбить мирный, утонувший в религии предков Китай. Она возьмет Корею, займет Пекин до уплаты огромной контрибуции. На эту контрибуцию она удесятит свой флот, вооружит самураев, которых в семидесятых годах было уже около миллиона, будет хозяйничать на Тихом океане вместе с Англией. Нашим судам придется стоять в Сан-Франциско, наша железная дорога придет к замерзающей гавани, которая, может быть, тоже понадобится японцам. А кто знает, что заговорят китайцы, наэлектризованные японским нашествием? И на всю эту перетасовку Востока будут с милой улыбкой смотреть русские люди, которых три года назад корейцы просили занять Корею, и которые находят, что нам в высокой степени наплевать и на свободное море, и на Корею, и на все эти далекие страны, которые лежат где-то там, где можно купить себе жену на месяц и где на русские деньги выстроен чайный дом с вывеской «Кабак Кронштадт»».

Статья заканчивается призывом публициста: «Я никогда не был военным и не умею бряцать оружием, но я никогда не уступал без борьбы того, что у меня пытались отнять. Вот почему я позволяю себе просить русское общество, русских писателей, русских журналистов обратить внимание на то, что творится теперь на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом. Не только к борьбе за Приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развитие, и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков <...>».

Можно предполагать, что этот призыв был услышан «русским обществом» к лету 1897 года.

II

В столичном «Новом времени» за июль – сентябрь 1897 года появляется обширная серия статей-корреспонденций из Китая С.Н. Сыромятникова, «бывшего первым из журналистов, с самого основания Серединной империи, на аудиенции у Богдыхана». Эта серия статей была опубликована под общим заголовком «В гостях у Богдыхана»:

Сигма. В гостях у Богдыхана. I // Новое время. СПб., 1897. 8(20) июля. № 7672. С. 1. (246)¹.

¹ В круглых скобках проставлены номера публикаций С.Н. Сыромятникова по интерактивному перечню создаваемого оцифрованного собрания его трудов.

Сигма. В гостях у Богдыхана. II // Новое время. СПб., 1897. 9 июля. № 7673. С. 1. (247).

Сигма. В гостях у Богдыхана. III // Новое время. СПб., 1897. 10 июля. № 7674. С. 1–2. (248).

Сигма. В гостях у Богдыхана. IV // Новое время. СПб., 1897. 11 июля. № 7675. С. 1. (249).

Сигма. В гостях у Богдыхана. V // Новое время. СПб., 1897. 12 июля. № 7676. С. 1. (250).

Сигма. В гостях у Богдыхана. Тянь-Цзин. (01) // Новое время. СПб., 1897. 23 июля. № 7687. С. 1. (251).

Сигма. В гостях у Богдыхана. Тянь-Цзин. (02) // Новое время. СПб., 1897. 24 июля. № 7688. С. 1. (252).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Тревожные признаки. I. Тянь-Цзин. 10 (29) июня // Новое время. СПб., 1897. 31 июля. № 7695. С. 2. (253).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Тревожные признаки. II. Тянь-Цзин. 10 (29) июня // Новое время. СПб., 1897. 2 августа. № 7697. С. 1. (254).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. I. (01) // Новое время. СПб., 1897. 7 августа. № 7702. С. 1–2. (255).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. I. (02) // Новое время. СПб., 1897. 12 августа. № 7707. С. 3. (256).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. II // Новое время. СПб., 1897. 19 августа. № 7714. С. 1–2. (257).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Уголок России в Китае. (01). Шанхай, 20 июля // Новое время. СПб., 1897. 18 сентября. № 7744. С. 2. (258).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Уголок России в Китае. (02). Шанхай, 20 июля // Новое время. СПб., 1897. 19 сентября. № 7745. С. 2. (259).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (01). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 21 сентября. № 7747. С. 2. (260).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (02). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 23 сентября. № 7749. С. 1–2. (261).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (03). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 27 сентября. № 7753. С. 1–2. (262).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (04). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 29 сентября. № 7755. С. 2. (263).

Примечательно, что только пять первых из приведенных выше статей «Сигмы» описывают официальное «посольство кн. Э.Э. Ухтомского», а следующие представляют собой «путевые заметки и наблюдения» уже самостоятельно продолжающего знакомство с Китаем русского журналиста.

Далее под этим же общим названием, С.Н. Сыромятников публикует три статьи о «посещении» им Японии:

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (01). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 22 октября. № 7778. С. 1–2. (264).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (02). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 23 октября. № 7779. С. 1–2. (265).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (03). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 24 октября. № 7780. С. 1–2. (266).

И девять следующих статей о продолжении его самостоятельного «путешествия», уже по Корее:

Сигма. В Корее. I. (01). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 27 октября. № 7783. С. 1–2. (267).

Сигма. В Корее. I. (02). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 1 ноября. № 7788. С. 3. (268).

Сигма. В Корею. I. (03). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 13 ноября. № 7800. С. 2–3. (269).

Сигма. В Корею. II. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 14 ноября. № 7801. С. 2–3. (270).

Сигма. В Корею. III. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 21 ноября. № 7808. С. 1–2. (271).

Сигма. В Корею. IV. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 23 ноября. № 7810. С. 3. (272).

Сигма. В Корею. V. (01). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 29 ноября. № 7816. С. 2. (273).

Сигма. В Корею. V. (02). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 1 декабря. № 7818. С. 2. (274).

Сигма. В Корею. V. (03). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 18 декабря. № 7835. С. 2–3. (275).

Всего 29 (!) статей о «поездке» по «зарубежному» Дальнему Востоку. Но... собранного «материалу» так много, что из Владивостока «Сигма» досылает в столицу еще три статьи о Корею:

Сигма. Внутри Кореи. I: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 3 января. № 7849. С. 2. (276).

Сигма. Внутри Кореи. II: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 4 января. № 7850. С. 2–3. (277).

Сигма. Внутри Кореи. III: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 10 января. № 7856. С. 2. (278).

И, завершив свое «путешествие» (а по сути – протяженную экспедицию по Дальнему Востоку), С.Н. Сыромятников продолжает уже в Санкт-Петербурге обработку и публикацию собранных им данных:

Сигма. С Востока // Новое время. СПб., 1898. 15 января. № 7861. С. 3. (279).

Сигма. На Востоке (1) // Новое время. СПб., 1898. 22 января. № 7868. С. 2. (280).

Сигма. Картинки корейской деревни // Новое время. СПб., 1898. 25 января. № 7871. С. 2. (281).

Сигма. На Востоке (2) // Новое время. СПб., 1898. 30 января. № 7876. С. 2. (282).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (1) // Новое время. СПб., 1898. 3 февраля. № 7880. С. 2. (283).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (2) // Новое время. СПб., 1898. 5 февраля. № 7882. С. 2. (284).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (3) // Новое время. СПб., 1898. 5 февраля. № 7882. С. 2. (285).

При этом он вводит в рассмотрение и угрожающе осложнившиеся внешне-неполитические условия наших развивающихся отношений с зарубежным Дальним Востоком:

Сигма. Англо-японское соглашение // Новое время. СПб., 1898. 14 февраля. № 7895. С. 3. (286).

Сигма. На Востоке (3) // Новое время. СПб., 1898. 20 февраля. № 7896. С. 2. (287).

Сигма. Новая Русь // Новое время. СПб., 1898. 1 (13) марта. № 7905. С. 2–3. (288).

Сигма. Боевые силы Японии. I // Новое время. СПб., 1898. 5 (17) марта. № 7909. С. 2. (289).

Сигма. Боевые силы Японии. II // Новое время. СПб., 1898. 6 (18) марта. № 7910. С. 2. (290).

Сигма. Morituri // Новое время. СПб., 1898. 15 марта. № 7919. С. 3. (291).

Эта серия из 44 (!) идущих одна за другой статей получила «официальное» завершение в публичной лекции С.Н. Сыромятникова о его «путеше-

ствии», прочитанной им в столице под вполне «нейтральным» названием «По Дальнему Востоку». Анонс лекции был опубликован 15 марта 1898 года в «Новом времени». Обращает на себя внимание подзаголовок названия лекции: «О прошлом, настоящем и будущем Японии, Кореи и Китая», характеризующий широту рассмотрения лектором проблематики отношений России с ее дальневосточными соседями.

Конечно же, «присоединение» к посольству князя Э.Э. Ухтомского «Сигмы», который «не знал, входил ли в состав посольства, ибо ехал на свой счет, но к награждению «Двойным Драконом» был представлен и таковой получил и на всех общих аудиенциях посольства присутствовал» [9]; и появление в ведущем столичном периодическом издании такого мощного информационного «заряда» в виде сорока четырех статей по тематике Дальнего Востока в течение всего семи месяцев не было случайностью и не могло не иметь политических и организационных «последствий». И имело их: составленный «Сигмой» негласный обзор «Очерк современного положения Кореи» [10], представленный Императору Николаю II, послужил одним из оснований для отправки на Дальний Восток в 1898 году широкомасштабной (7 партий, 45 участников) секретной русской экспедиции, в которой С.Н. Сыромятников был начальником «5-й партии».

Попытка воссоздать историю разведывательной и тайной, «не для оглашения», дипломатической деятельности С.Н. Сыромятникова на службе России, в том числе историю и результаты этой экспедиции, а также руководимой им секретной экспедиции в Персидский залив в 1900 году, из которой он привез в Петербург предложенный шейхом Кувейта проект договора о протекторате России над Кувейтом, была предпринята в [11].

III

Перед самым отъездом весной 1898 года в фактически инициированную им экспедицию на Дальний Восток, в Северную Корею, С.Н. Сыромятников публикует в «Новом времени» еще одну статью [12], в которой пытается, используя доступные ему научные данные и собственные наблюдения, ответить на вопрос, вынесенный им в название статьи – «Кто такие китайцы?».

Представляется, что содержание этой статьи, в которой публицист-востоковед сопоставляет основы и историю развития государственных Китая и России, менталитеты их народов, оправдывают приведенное ниже довольно объемистое ее цитирование: «После того, как мы без поддержки одетого в железную перчатку кулака получили в пользование “Порт-Артур и Талиенван с соответствующей территорией и водным пространством”, невольно возникает вопрос, в какие отношения мы станем с китайцами на Квантунском полуострове? Я не говорю об отношениях юридических, я говорю об отношениях нравственных. С юридической стороны китайцы будут называть нас арендаторами, но мы едва ли будем называть их хозяевами. Я предлагаю называть их старшими братьями, и предлагаю это по многим соображениям, несмотря на то, что в географии сказано, что китайцы принадлежат к желтой расе, к монгольскому племени. Так смотрю я на китайцев даже не с точки зрения наполеоновски поскобленного русского, в котором под легкой корой европеизма открылась татарская древесина. Я говорю с точки зрения науки, ибо наука уже задавала себе вопрос: правда ли, что китайцы монголы? <...>

Смотря на наших друзей-китайцев с точки зрения признаков монгольской расы, мы увидим, что в них монгольского немного больше, чем в нас самих. <...> Откуда же они взялись, что они за люди? <...>

Древнейшая история Китая застаёт маленький китайский народ за 4000 лет до нашего времени к югу от северного колена Желтой реки ничтож-

ным, затерянным среди инородцев прамонгольского племени, которых он осваивает долгой культурной работой. <...>

После первых легендарных князей, называемых историками совершенно неправильно императорами, китайский народ разбился на земли, опять-таки неправильно называемые уделами. Их история с этого времени идет по тому же пути, по которому шла история наша. <...>

<...> когда китайцев сделалось больше, чем инородцев, тогда китайские земли соединились в одно государство под властью первого царя Цинь-ши-хуан-ди в 221 году до Р.Х. Но это объединение не было только политическим. Ему предшествовало объединение культурное и литературное. Каждая из земель имела свою иероглифическую письменность. В эпоху объединения земель, объединился письменный язык, а так как не все слова вошли в общий разговорный язык, то китайская письменность стала богаче языка разговорного. <...>

Общественный уклад их жизни был одинаков с общественным строем древней Руси. <...>

Вместо узкой родовой морали мы получили мораль Христа, – вселенскую, широкую. Центр наших дум, надежд и стремлений был перенесен с земли на небо в то время, как китайцы работали над землей, над земным счастьем, земным удовлетворением. И когда мы рвались вдаль и вширь, китайцы шли в глубину прошлого, выше всего почитая первых предков, первых царей своих, образы которых конфуцианство окружило большим ореолом святости и добродетели, чем окружены у нас образы Владимира, Бориса и Глеба. <...>

В Китае чувствуется атмосфера любовного удовлетворения, он знает чувственность, но не знает влекущей к подвигам страсти. Мы идем вперед к невидимому будущему, к изменчивым идеалам; идеалы Китая позади его истории – они выразились в его добродетельных и справедливых предках.

Из сравнения России с Китаем выясняется, что китайцы действительно наши старые родственники, но родственники до христианства, родственники до широкой возвышенной вселенской морали, разбившей стены народов избранных.

Сигма».

IV

После завершения Русско-японской войны, за (!) линией фронтов которой («между хунхузами и японцами») он выполнял секретные поручения русского командования, университетский товарищ П.А. Столыпина, ставший близким и доверенным сотрудником премьер-министра, С.Н. Сыромятников в течение восьми лет по его поручению редактировал («негласно») правительственную газету «Росси́я». И курировал обширную сеть русских агентов и «агентов влияния» за рубежом, в том числе в Китае, Корее, Японии.

Ограниченный объем настоящего сообщения не позволяет сколько-нибудь подробно рассмотреть период с 1898 по 1916 год в деятельности С.Н. Сыромятникова, востоковеда и публициста, связанной с Дальним Востоком. Ограничусь лишь упоминанием о том, что с 1898 по 1916 год им было подготовлено еще более ста пятидесяти (!) публикаций в ведущих столичных газетах России по проблематике Дальнего Востока.

Из этих последних все же стоит выделить как «программные» следующие:

Сыромятников С.Н. Россия на Дальнем Востоке // Россия. СПб., 1911. 27 марта. № 1643. С. 2. (1022).

Сыромятников С.Н. Русско-китайский вопрос // Россия. СПб., 1912. 17 июня. № 2022. С. 2. (1116).

Сыромятников С.Н. Запросы времени // Россия. СПб., 1912. 22 июля, № 2057. С. 2. (1119).

Сыромятников С.Н. Новый и старый Восток // Россия. СПб., 1913. 3 марта. № 2239. С. 2. (1162).

Следует отметить и ряд принципиальных «особенностей» всех (более 200!) упомянутых здесь дореволюционных публикаций С.Н. Сыромятникова «по Дальнему Востоку»:

– все они, написанные активно работающим и отнюдь не «кабинетным» востоковедом, опубликованы им в «открытой» печати и обращены к широкому кругу читающей российской публики, ориентируя ее на протяжении двадцати лет в бурно развивающихся отношениях России с нашими дальневосточными соседями – Монголией, Китаем, Кореей, Японией;

– даже если не учитывать не менее многочисленные публикации в периодической печати по ближневосточным проблемам, можно предположить, что наше общество не имело (и, пожалуй, не имеет и до сих пор) более значимого профессионального популяризатора задач и достижений отечественного востоковедения, нашей восточной политики.

К 1916 году к своему свободному владению более чем пятнадцатью (!) иностранными языками, Сергей Николаевич добавил китайский и корейский. Причем на уровне, позволившем ему в голодное советское время работать над составлением академических словарей этих языков.

V

Напряженная работа «Сигмы»-востоковеда продолжалась до самой его смерти в 1933 году. Достаточно сказать, что, сотрудничая в 1921–1933 годах с В.М. Алексеевым (обширная, более трехсот писем, переписка с ним сохранилась в Петербургском филиале АРАН [13]), он написал более двадцати пока мною не найденных востоковедческих работ. Таких, например, как:

Сыромятников С.Н. Древний быт китайского народа. 1926. (1299).

Сыромятников С.Н. Схема Китая при Чжоуской династии. 1926. (1300).

[*Сыромятников С.Н.*] *Romanov V.A.* Russia in Manchuria (1892–1906). Leningrad, 1929. (Summary, б/п) <...> (1301).

Сыромятников С.Н. Новый Китай и Конфуций.

Сыромятников С.Н. Самоуправление и местная администрация Китая.

[*Сыромятников С.Н.*] Новый Завет: пер. на китайский яз.

Весьма рельефно активность увлеченно работающего в это время С.Н. Сыромятникова-китаеведа характеризуют несколько выдержек из его писем к В.М. Алексееву [13]:

«4.X.24. <...> работа заинтересовала меня, хотя она очень сухая, и я подумал: “Если бы школа эта была предприимчива, она сделала бы так: обратилась бы в Госиздат, и сказала: “Мы, школа, желаем составить учебник Китаеведения, обнимающий все стороны Китайской жизни, в 20 печ. листов, который вы должны издать. Дайте нам для этого аванс в размере половины сдельной платы”.

*А потом обратилась бы ко мне и сказала: “Ну-ка, покажите, что вы писали о Китае и каков Китайский отдел вашей библиотеки?” А узнав все это, сказала бы мне: “Напишите нам учебник Китаеведения, какой он вам представляется, а мы его проредактируем и снабдим вас теми источниками, каких у вас нет”. Тогда я взял бы *Richard-a*, обработанного отцом Кеннелли, и *Rixthгофена*, и *Reclue*, и *Иоакинфа*, и исправленного *Мора* и написал бы красивую вещь, а Вы ее бы снабдили своим соусом и издали от имени школы. Авторской славы было у меня столько в жизни, что она больше меня не манит, а *Епс. Вг.* так и останется британским сухарем, толстенным, жирным, но все-таки сухарем, жевать который*

скучно.

Я бы из китайской истории взял кроме древности по Flirth-у, период Монголов и сношения с Россией, с двух сторон, с Русской по Бантьему(?), с Китайской по Parker-у, который напечатал китайские источники сношений китайцев с русскими в XVII–XVIII ст.

Но все это мечты. Два листа я сделал, просил денег, не дали, как-нибудь проживу. <...>».

«11.V.25 ...китаисты занимаются черт знает чем, вместо того чтобы заниматься тем, что необходимо всему человечеству, а именно переводом китайских историй, за которым пойдут всякие исследования. Но верный перевод историй это долг китаистов перед всеми их народами. <...>».

«23.V.25. Дорогой Василий Михайлович, все пытаюсь написать Вам по поводу Китайской истории, да здоровье мое было очень плохо, так что трудно писать. Китайской истории еще нет, она не написана в самом Китае, не говоря уже о Европе, но материалы к ней мало, по-моему, издаются, и все материалы с иероглифами полезнее, чем без иероглифов, вот почему материалы Георгиевского полезнее, чем материалы Cordier. История есть история учреждений, история экономического развития, история умственного развития, развития литературных форм, развития искусства. А у нас нет простой, ясной и полной политической истории Китая, которую можно сделать <...>».

«30.V.25. Дорогой Василий Михайлович,

<...> Вы знаете, что я проповедую важность китайской истории не со вчерашнего дня, а пожалуй скоро будет 20 лет, и мне хотелось бы, чтобы патентованные ученые не только признали мои мысли, но и стали на путь их осуществления. А мы все стукаемся лбом о стену, и мне, по Вашему мнению старому дилетанту, приходится собирать материалы по Китайской истории, что должны бы были сделать очень давно китаисты, и быть «полиграфом». В самом деле, кто составил лучшую историю К. литературы? Немец. Кто составил лучшую историю древнего Китая? Немец. Кто составил самые точные хронологические таблицы Кит. истории? Немец. И это при нашей 8000 верстной границе с Китаем и при правильных дипломатических отношениях с Китаем с 1689 г. Кстати, в 1939 году будет 250 лет Нерчинскому договору. Я не доживу, а Вы, вероятно, прочитаете по этому поводу хорошую лекцию. <...> Ваш С. Сыромятников».

«14 января 1927 г. <...> Если бы я должен был купить право на путешествие в Китае за 40 ударов по потылице, я бы не отказался от ударов, ибо что может быть интересней крушения величайшей культуры? Не империи, – черт с ней, – а культуры, пережившей 25 империй, а теперь лопнувшей...».

По мере своих скромных уже в это время сил и возможностей, С.Н. Сыромятников поддерживал развитие отечественной науки о Китае, её связи с зарубежными учеными-китаеоведами. И даже пытался «сдемпфировать» попытки не в меру «политически сознательных» сотрудников направить отечественное востоковедение по «узко-марксистскому» пути. Здесь уместно привести выдержку-заметку из его личного дневника [14], которая, конечно же, не была, да и не могла быть нигде тогда в нашей стране напечатана:

«24.XI. 1930. Академик В.М. Алексеев со своими учениками в ударном порядке составляет латинскую азбуку для Красного Китая, чтобы покончить там с безграмотностью. Им, разумеется, удастся составить азбуку, которая довольно удачно передаст китайские звуки и их тоны. Но со введением в Китай латиницы Китая больше не будет. Будут разные народы, говорящие на разных языках и не понимающие друг друга. Китайские племена объединены были в одно целое Конфуцианской культурой и иероглифической письменностью. Революция 1911 года развенчала Конфуция, заменив его американской этикой и философией. Революция 1930 г. уничтожит вторую связь: иероглифическую

письменность. Тогда Китая не будет больше, а будет группа враждующих между собой государств, не более далеких этнически, чем Россия и Польша, не менее враждебных друг другу, чем они. Прощай, Китай! *Finis Sin !*».

В 1931–1933 годах С.Н. Сыромятниковым было «составлено» более 62 тысяч (!) словарных статей для академического китайско-русского словаря [13, № 276].

VI

В заключение следует отметить, что не только обозначенный здесь и далеко не полный перечень востоковедческих и публицистических трудов Сергея Николаевича Сыромятникова, а также необыкновенно большой массив архивных документов о его деятельности, связанной с Дальним Востоком, заслуживают самого пристального внимания отечественных историков, востоковедов и политологов.

Профессиональные исследования научного и публицистического наследия Сыромятникова-«Сигмы», несомненно, помогут осветить один из самых сложных этапов развития не только востоковедения в нашей стране, но и международных отношений на Дальнем Востоке.

Литература

1. Сыромятников Сергей Николаевич. Сага об Эйрике Красном. (Eiriks saga Raudha). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. (12).
2. Сыромятников С.Н. Русская княжна на французском троне (Из далекого прошлого франко-русского сближения) // Новое время. СПб., 1893. 5(17) октября. № 6323. С. 2. (37).
3. Сигма. Подальше от культуры // Новое время. СПб., 1894. 28 августа. № 6644. С. 2. (100).
4. Σ. (Сигма.) Библиографические новости // Новое время. СПб., 1894. 2 сентября. № 6649. С. 4. (101).
5. Сигма. Корейцы в России (М.Ф.) // Новое время. СПб., 1894. 15 сентября. № 6662. С. 2. (105).
6. Сигма. Восток или Запад // Новое время. СПб., 1894. 30 октября. № 6707. С. 3–4. (114).
7. Сигма. Ex oriente nox! (1) // Новое время. СПб., 1895. 5 марта. № 6830. С. 3. (130).
8. Сигма. Ex oriente nox! (2) // Новое время. СПб., 1895. 12 (24) марта. № 6837. С. 3. (131).
9. Сыромятников Сергей Николаевич (псевд. Сигма), журналист. Письмо Константину Васильевичу Кудряшову. 1922. 17 декабря. ОР РНБ. Ф. № 423. Лбовский А.Н. № 1568.
10. Сыромятников С.Н. (Сигма). Очерк современного положения Кореи: Документ-приложение № 32 // *Вонлярлярский В.М.* Отчет о ходе высочайше возложенного на Его Императорское Высочество Великого Князя Александра Михайловича дела о Корею в 1898–1899 гг. // РГИА. Ф. 917 (Вонлярлярские). Оп. 1. Д. 4. (1898 г. /апрель-май/). (234).
11. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы»: Историко-документальная повесть-расследование: (1897... 1916 гг.). СПб., 2004.
12. Сигма. Кто такие китайцы // Новое время. СПб., 22 марта 1898. № 7926. С. 3. (293).
13. Сыромятников Сергей Николаевич, писатель. Его письма В.М. Алексею. СПб. Филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. № 759. Алексеев Василий Михайлович.
14. Записная книжка Сыромятникова Сергея Николаевича (псевдоним «Сигма»). ОР Гос. лит. музея. Ф. 242 С. РОФ 7394. (1302).

Аннотация. В статье рассматривается обширное публицистическое наследие Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы»), посвященное отношениям России и стран Дальнего Востока в 1890–1920-х годах. Особое внимание уделено отличиям этих отношений от практиковавшихся западными странами и Японией.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, Россия, Дальний Восток, Китай, Корея, Япония.

Boris Syromiatnikoff, high voltage test engineer of “TESTSET”, St. Petersburg, Russia; descendant and collector of the legacy of his great uncle – Sergey N. Syromiatnikoff (“Sigma”), one of the main performers of the policy of Nicolas II in the East, who also participated in the conclusion of the first Treaty of Friendship with China in 1897. E-mail: grumant45@mail.ru

“Sigma”: “East or West?”

Abstract. The article describes the extensive journalistic heritage of Sergei Nikolaevich Syromyatnikoff (“Sigma”), dedicated to relations between Russia and the Far East countries in 1890–1920-ies. Particular attention is paid to the differences between these relations and those practiced by Western countries and Japan.

Keywords: conservatism, nationalism, Russia, the Far East, China, Korea, Japan.

Б.В. Межуев. Хотел бы, обращаясь прежде всего к историкам русской философии, сказать следующее. Востоковедческая деятельность, по крайней мере полевая, Сергея Николаевича начинается, как известно, с путешествия вместе с князем Эспером Эсперовичем Ухтомским в Китай, в 1897 году весной. Много раз здесь упоминали имя Владимира Соловьева. Именно он познакомил Сыромятникова с Ухтомским и порекомендовал его в качестве одного из тех, кто может принять участие в экспедиции. В одной из своих публикаций 1905 года Сыромятников пишет, что они вместе с Ухтомским уговаривали Владимира Соловьева присоединиться к экспедиции. Сыромятников подчеркивает, что если бы Владимир Соловьев все-таки принял в ней участие (а такая возможность, видимо, была, хотя, конечно, его физическое состояние как-то не очень предполагало это), то его отношение к Китаю и панмонголизму резко изменилось бы. И «карателем Европы» он выбрал бы кого-то другого, а не Китай. Ухтомский был главным редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», там из номера в номер публиковались своего рода рефераты текстов Владимира Соловьева. И вот в апреле-мае 1897 года что-то происходит между Ухтомским и Соловьевым, какая-то ссора, хотя внешне на их общении она не отразилась. Те, кто знает творчество Соловьева, знает произведение «Три разговора. Краткая повесть об Антихристе». Там есть такой персонаж – лжепророк Аполлоний, который приходит из восточной страны и соединяет таинственную

мистику Востока и знание западной науки. В первой, журнальной, редакции «Трех разговоров» сказано, что он является внебрачным сыном Елены Блаватской. Потом Соловьеву указали на неуместность подобного фривольного обращения с дамами, и он снимает эту приписку. Но сейчас я не об этом. Там есть такая фраза, что Аполлоний убеждает Антихриста, всемирного императора, в том, что в таинственных книгах Востока написано, что он является таким будущим царем, которому предназначено объединить весь мир.

На мой взгляд, это совершенно очевидное указание на Ухтомского – в лжепророке Соловьев изображает своего бывшего друга Эспера Эсперовича Ухтомского. Именно он на фрегате «Память Азова» говорил, что в таинственных книгах восточных народов, буддистских, тибетских, написано о белом царе, который должен когда-то объединить всю Азию. Очевидно здесь указание на роль Ухтомского и на восточничество.

Вообще в «Трех разговорах. Краткой повести об Антихристе» гораздо больше актуально-политического, чем мы привыкли думать. И раскапывание этого политического содержания весьма интересно с точки зрения истории философии. И многие аспекты восточной политики интересовали меня в первую очередь как историка русской философии.

Теперь передаю слово замечательному историку, историку русской мысли Андрею Александровичу Тесле. В четвертом номере «Самопознания» есть и его статья.